

Краткое содержание

В этой диссертации рассматривается информационная структура (ИС) в двух неродственных жестовых языках: русском жестовом языке (РЖЯ) и нидерландском жестовом языке (НЖЯ). Мы описываем выражение ИС в РЖЯ и НЖЯ, исследуем сходства и различия между двумя языками, и обсуждаем данные с типологической точки зрения; наконец, мы оцениваем эффекты модальности в этой области.

Эта диссертация вносит вклад в типологию жестовых языков, так как эти два языка не сравнивались ранее с точки зрения ИС. В ней впервые предпринимается изучение форм и функций, связанных с ИС в этих жестовых языках, в поисках возможных универсалий и аспектов, определяемых модальностью. Наконец, в ней анализируются корпусные и экспериментальные данные с количественной и качественной точки зрения.

В **первой главе** диссертации мы даём основные определения и формулируем вопросы. Во-первых, мы подчёркиваем важность изучения жестовых языков, так как, чтобы понять человеческую способность к изучению языка, делать типологические обобщения, и строить теоретические модели языка, необходимы данные разных языков, включая жестовые. Также в этой главе обсуждаются предыдущие исследования жестовых языков, особенно сравнительные и типологические. Кроме того, обсуждается тот факт, что жестовые языки существуют в визуально-пространственной модальности, что может повлиять на их грамматику и использование, и привести к различиям со звуковыми языками. Поэтому мы рассмотрим эффекты модальности и в области ИС.

Во-вторых, в этой главе содержится необходимая базовая информация о РЖЯ и НЖЯ. НЖЯ – это язык, который используют примерно 16 000 глухих и слабослышащих людей на территории Нидерландов. Он возник в конце 18 века, когда в Гронингене была основана первая школа для глухих детей. Он характеризуется высокой степенью региональной лексической вариативности: существует пять основных диалектов НЖЯ, которые связывают с пятью школами для глухих детей. РЖЯ используется как минимум 120 000 глухих и слабослышащих на территории России. Он возник в начале 19 века, когда в Павловске была открыта первая школа для глухих детей. Выбор РЖЯ и НЖЯ в качестве объекта исследования был частично мотивирован прагматическими соображениями: у нас был доступ к корпусам и носителям языков. С другой стороны, с теоретической точки зрения такое сравнение тоже интересно. Предыдущие исследования показали, что даже сравнение европейских жестовых языков приносит важные результаты. Кроме того, РЖЯ и НЖЯ не родственные, что позволяет с их помощью изучать эффекты модальности. Наконец, РЖЯ и НЖЯ различаются социолингвистически, что позволяет также изучить последствия этих различий для грамматики.

В первой главе также даются определения основных понятий ИС. ИС изучает сигналы, которые собеседники подают друг другу, для того чтобы контролировать поток информации, например, помечая часть информации как данное, или подчёркивая новую и важную информацию. Эти две функции связаны с понятиями топика и фокуса соответственно. Мы даём подробные определения этим понятиям, а также обсуждаем их с типологической и теоретической точек зрения. Ясно, что почти все языки могут выражать фокус, и многие также маркируют топик, однако средства выражения в разных языках различаются, что делает описание и сравнение РЖЯ и НЖЯ важным.

Во **второй главе** мы кратко пересказываем результаты предыдущих исследований ИС в жестовых языках. Мы решили описывать ИС в РЖЯ и НЖЯ с двух сторон: во-первых, мы описываем то, как выражаются топик и фокус, а во-вторых, мы исследуем функции некоторых специфично жестовых конструкций, которые связаны с ИС в других жестовых языках, а именно удвоение (*doubling*) и удержания пассивной руки (*weak hand holds*). Поэтому во второй главе мы обсуждаем эти четыре темы на материале прошлых исследований жестовых языков.

Исследования показали, что имеет смысл различать понятия *aboutness topic* и *scene-setting topic*: первое определяется как то, о чём идёт речь в предложении, а второе – как указание времени и места ситуации, описываемой в предложении. Оказалось, что разные жестовые языки используют схожие маркеры для топиков разных типов, а именно топик обычно находится в начале предложения, маркируется поднятыми бровями, и отделяется от остальной части предложения просодической границей. Иногда топик также маркируется местоимением в конце предложения, кореферентным топику. Интересно, что многие жестовые языки характеризуются как топиковые (*topic prominent*), то есть топик в них играет важнейшую роль в структуре предложения. Поэтому мы решили рассматривать потенциальные маркеры топиков обоих видов в РЖЯ и НЖЯ, а также обсудить вопрос о том, являются ли эти языки топиковыми.

Фокус часто разделяют на информационный и контрастивный: первый выражает новую информацию в целом, а второй используется для того, чтобы прямо противопоставить альтернативы друг другу. Жестовые языки часто используют передвижение в начало предложения, а также немануальные маркеры, чтобы обозначить фокус, но основным маркером фокуса является мануальная просодия: жесты в фокусе обычно длиннее, больше по амплитуде и т.д. Кроме того, жестовые языки используют специфичную для визуальной модальности стратегию маркирования контраста при помощи контрастивной локализации и наклонов тела. Поэтому мы решили описать синтаксические, немануальные, и мануальные маркеры информационного и контрастивного фокуса в РЖЯ и НЖЯ, а также эффекты модальности в этой области.

Удвоение – это явление, в результате которого составляющая появляется в предложении больше одного раза, при этом относясь к одному и тому же референту или действию. Это явление существует и в звуковых, и в жестовых языках, однако в жестовых языках оно, как кажется, более широко распространено. Произносить составляющую дважды очевидно неэкономно, поэтому лингвисты стараются найти мотивацию для удвоения, из-за которой экономия становится менее важна. В жестовых языках функции удвоения обычно связывают с фокусом в целом, с эмфатическим фокусом, или с другими грамматическими процессами. Поэтому мы решили анализировать формальные свойства и значение удвоения в РЖЯ и НЖЯ, уделяя особое внимание ИС. Кроме того, мы обсудили связь удвоения с модальностью.

Другой конструкцией, связанной с ИС в жестовых языках, являются удержания пассивной руки, когда сначала выполняется один жест (одной или двумя руками), а затем одна рука (активная) продолжает выполнять жесты, в то время как другая (пассивная) удерживается в конечном положении первого жеста. Согласно некоторым исследователям, удержания пассивной руки в разных жестовых языках имеют функции, связанные с ИС, а именно они маркируют топикальность, высокую степень важности, контраст, или фоновую информацию. Поэтому мы изучили формы и функции удержаний в РЖЯ и НЖЯ, чтобы выяснить их связь с ИС.

Переходя непосредственно к теме этой диссертации, в **третьей главе** мы описываем выражение топика в РЖЯ и НЖЯ на основе небольших корпусов: корпуса РЖЯ, собранного специально для данного проекта, и корпус НЖЯ, который был

составлен из текстов большого корпуса, собранного ранее другими исследователями. Оказалось, что топики обоих видов в РЖЯ и НЖЯ маркируются (1) начальной позицией в предложении, (2) просодической границей после топики, и (3) немануальными маркерами, а именно поднятием бровей и наклоном головы назад. Кроме того, в НЖЯ топик также может маркироваться местоимением в конце предложения, кореферентным с топиком, в то время как в РЖЯ такая стратегия не засвидетельствована.

Топики в РЖЯ и НЖЯ маркируются не обязательно. Некоторые потенциальные топики не маркируются даже просодически. Наш анализ показал, что немануальные маркеры используются только при смене топики. Помимо маркирования топики, в РЖЯ и НЖЯ также есть особая стратегия маркирования тетических предложений, а именно порядок слов VS. Эта стратегия тоже опциональна, так как порядок SV в тетических предложениях тоже возможен.

Согласно критериям топиковости языков, которые часто используются в литературе, РЖЯ и НЖЯ не являются топиковыми. В этих языках есть средства маркирования топики, а также тетических предложений, но использование их является необязательным. Другие грамматические свойства РЖЯ и НЖЯ также не позволяют назвать их топиковыми.

В **четвёртой главе** мы обсуждаем, как в РЖЯ и НЖЯ маркируется фокус. В этой главе анализируются данные, полученные путём эликации. Мы собрали пары вопросов и ответов, основанные на стимулах-картинках, произнесённые 10 носителями РЖЯ и 10 носителями НЖЯ. Мы выяснили, что фокус маркируется синтаксически и просодически в обоих языках. Так, синтаксическими маркерами фокуса являются эллипсис нефокусной части предложения, а также удвоение. Мануальными маркерами фокуса являются повторение, а также модификация движения (удлинение, увеличение размера, замедление) и модификация высоты жеста. Что касается немануальных маркеров, в НЖЯ топик маркируется поднятием бровей, движением головы назад, кивками, и наклонами тела. В РЖЯ же используются лишь кивки и наклоны тела, и менее часто, чем в НЖЯ. Кроме того, оба языка используют специфичную для визуальной модальности стратегию наклонов тела для выражения контраста.

Другое интересное наблюдение касается понятия фокусной проекции (*focus projection*). Например, в английском языке фразовое ударение на объекте может маркировать как фокус на объекте, так и фокус на глагольной группе или на всём предложении. Разумно ожидать, что такое же явление можно будет наблюдать на примере мануальных просодических маркеров фокуса в жестовых языках. Так и оказалось: в РЖЯ и НЖЯ в контексте фокуса на глагольной группе или на всём предложении обычно просодически маркируется только глагол. Более удивительным является тот факт, что фокусная проекция наблюдается и у немануальных маркеров. Так, в НЖЯ фокус на глагольную группу маркируется поднятием бровей лишь на объекте, при том что другие немануальные маркеры обычно распространяются, то есть выполняются одновременно со всей составляющей, к которой относятся.

В **пятой главе** мы обсуждаем удвоение как потенциальный маркер ИС в РЖЯ и НЖЯ. Удвоение мы изучали на основе корпусных данных, по большей части тех же, что использовались в третьей главе. Удвоение активно используется в обоих языках. Оно может быть результатом хезитации, или использоваться для пояснения, но удвоение по модели X Y X является регулярно используемым грамматическим механизмом. РЖЯ и НЖЯ используют удвоение схожим образом: одни и те же составляющие могут удваиваться в обоих языках, за исключением удвоения топики, которое присутствует только в НЖЯ. Удвоение одинаково частотно в РЖЯ и НЖЯ, но в РЖЯ основным типом является удвоение глагола, а в НЖЯ – удвоение клаузы.

Мы выяснили, что основной функцией удвоения по модели X Y X является вынесение на передний план (*foregrounding*), то есть какая-то часть информации маркируется как более важная, чем остальная информация; другой функцией является эмфаза. Наш анализ позволяет объяснить удвоение различных составляющих, включая удвоение топиков в НЖЯ. Напротив, предыдущие анализы удвоения в других жестовых языках неприменимы к данным РЖЯ и НЖЯ. Одним из теоретических последствий этой главы является то, что становится необходимым понятие вынесения на передний план, в дополнение к описанным выше понятиям, топика и фокуса.

Мы также предлагаем возможный путь грамматикализации из повторения предложений в удвоение внутри предложения. Этот путь грамматикализации объясняет возникновение формальных и функциональных свойств удвоения в РЖЯ и НЖЯ. Хотя прямых диахронических доказательств этого пути развития не существует, синхронные данные согласуются в этой гипотезой. Кроме того, мы предполагаем, что эмфатическое удвоение может быть следующей ступенью развития удвоения с функцией вынесения на передний план. Таким образом, можно представить, что удвоение в других жестовых языках, которое используется для эмфазы, развилось схожим образом.

Мы также обсуждаем вопрос о том, почему удвоение так широко распространено в жестовых языках. Возможные объяснения включают в себя анализ удвоения как компенсационной стратегии, связанной с высоким процентом неносителей, а также связь между удвоением и ограничениями кратковременной памяти в визуальной модальности. Дальнейшие типологические и теоретические исследования звуковых и жестовых языков необходимы, чтобы ответить на этот вопрос.

В **шестой главе** мы обсуждаем удержания пассивной руки в РЖЯ и НЖЯ, на основе корпусов, использованных также в третьей главе, и нескольких дополнительных текстов на НЖЯ. Оба языка используют удержания довольно часто, и удержания имеют различные функции, лишь некоторые из которых связаны с ИС. Эти функции можно разделить на фонетические (удержание происходит по артикуляционным причинам), синтаксические (удержания маркируют синтаксические составляющие), иконические (удержания иконически выражают пространственные и временные отношения), и дискурсивные (удержания выражают информационный статус референтов). Что интересно, в РЖЯ и НЖЯ удержания имеют один и тот же набор функций.

С количественной точки зрения, тем не менее, удержания в РЖЯ и НЖЯ различаются: в РЖЯ они значительно более частотны. Мы обсуждаем несколько возможных объяснений этому различию, который на данный момент являются гипотетическими. К этим объяснениям относятся разное влияние звуковых языков, разница в региональной вариативности, или разница в жестикуляции слышащих.

Секция 6.6 является отклонением от основного курса данной диссертации, так как в ней предлагается формальный синтаксический анализ удержаний. В рамках формальной теории необходимо сформулировать правила линеаризации: процесса, в ходе которого иерархически устроенная синтаксическая структура преобразуется в линейный ряд слов или жестов. Жестовые языки ещё более сложны с этой точки зрения, так как они используют два частично независимых артикулятора (две руки), так что возможностей для линеаризации становится больше. Поэтому необходимо сформулировать правила линеаризации и для жестовых языков, и сравнить их с линеаризацией в звучащих языках, для того чтобы найти возможные эффекты модальности. Мы предположили, что формализм многомерных деревьев, который был разработан на материале звуковых языков, может применяться к анализу удержаний в РЖЯ и НЖЯ, но что правила линеаризации должны быть сформулированы по-другому, в терминах, специфичных для визуальной модальности.

В **последней главе** мы кратко формулируем результаты исследования, а также обсуждаем теоретические и типологические последствия и эффекты модальности. В частности, мы обсуждаем, насколько РЖЯ и НЖЯ различаются в области ИС, и насколько они «нормальны» с точки зрения типологии. Данные РЖЯ и НЖЯ важны для таких теоретических вопросов, как статус топиков, определение топикальных языков, фокусная проекция, фокус и контраст, объяснения существования удвоения, и других. С точки зрения эффектов модальности в области ИС наше исследование показало, что РЖЯ и НЖЯ чаще всего используют стратегии, которые также присутствуют в звуковых языках. Тем не менее, некоторые специфичные для визуальной модальности средства, такие как немануальные маркеры и удержания пассивной руки, тоже используются. Кроме того, мы указываем на важные параллели между этими средствами и жестикуляцией, сопровождающей речь в звуковых языках.

Наконец, мы обсуждаем возможные направления дальнейших исследований. В частности, мы предполагаем, что методология может быть улучшена с целью увеличения надёжности анализа корпусных и экспериментальных данных. Кроме того, мы перечисляем темы, заслуживающие серьёзных исследований, такие как клефты, маркирование фокуса в сложных контекстах, и смена доминантности (*dominance reversal*). Более систематическое сравнение жестовых языков и жестикуляции слышащих также кажется нам перспективной областью.